

Ни оборотней, столпившихся снаружи, ни Далиана Орвицка не стал поправлять насчет названия блюда. Произнести правильно "гёдза" для большинства иностранцев было слишком сложной задачей. Пусть уж будут "свиные рулетки", главное, чтобы было понятно, о чем идет речь. Раз уж он не стал исправлять одно название, то и "ючжа" (шкварки) уточнять не было смысла.

- Я собирался оставить их себе на завтрак, - признался Орвицка.

- Потому что получились не очень вкусными? - догадался Далиан.

- Э-э... да, - кивнул Орвицка. Обратни для него были своего рода коллегами и гостями. Для дегустации достаточно было и одного человека, нельзя же было позволить им съесть все остальное, даже если оно было неидеальным.

"Подчиненные для Орвицки тоже были коллегами. Вся эта иерархия и субординация его совершенно не интересовали".

- А я хочу их съесть, - заявил Далиан.

- Ты же сам слышал, что они не очень вкусные? - удивился Орвицка.

- А почему ты тогда собираешься их есть?

- Ну... это же я их приготовил.

- Ты мой муж, - внезапно нанес Далиан Орвицке сокрушительный удар по самообладанию. - А я твой. Я и те парни снаружи - мы разные. Как настоящие партнеры, мы должны начать с того, чтобы делить все поровну, и радости, и... не самые удачные кулинарные эксперименты.

Орвицка молча снял со сковороды последнюю румяную картофельную лепешку, затем разложил оставшиеся гёдзы на две тарелки. Одну из них он молча протянул Далиану, а сам продолжил жарить лепешки. Не пришлось ждать до утра - пока Орвицка жарил лепешки, все

гёдзы были съедены.

Пройдет еще несколько долгих часов, прежде чем крахмал полностью осядет на дно тазов, а устричный соус окончательно уварится до нужной консистенции.

Нельзя же было позволить всем просто сидеть и скучать в ожидании... Так что... было решено начать увлекательное кулинарное путешествие в мир жареной еды!

Оказалось, что практически все можно обмакнуть в яично-мучной кляр, обвалить в панировочных сухарях и обжарить во фритюре до аппетитной золотистой корочки. И посреди глубокой ночи Орвицка действительно услышал доносящийся с улицы громкий детский плач:

- Я хочу есть!

"Бедные родители, сочувствую им".

"Ш-ш-ш..." - новая порция чего-то вкусного и жареного отправилась в кипящее масло на сковороде.

Кастрюля с устричным отваром, которую вынесли наружу, изначально должна была вариться оборотнями по очереди. Но, несмотря на то, что все они страдали от сильного запаха, никто не ушел со своего поста. Они даже достали свое вязание. Тот, чья была очередь, шел помешивать булькающий отвар, остальные же послушно сидели вокруг и вязали. Эта неожиданная сцена выглядела на удивление мирно и даже гармонично.

Когда Орвицка вынес наружу очередную порцию разнообразных жареных лакомств, оборотни, с аппетитом хрустя ими, еще больше убедились в правильности своего решения остаться здесь.

Еда, конечно, была восхитительной, но еще важнее была сама забота господина Мондэйла. Если бы они ушли, все эти вкусности достались бы целиком тому хитрому парню, что остался с ним на кухне.

В присутствии Орвицки оборотни вели себя подчеркнуто дружелюбно по отношению друг к другу. Но стоило Орвицке повернуться и уйти обратно на кухню, как их взгляды тут же

становились по-настоящему "волчьими", и каждый видел во всех остальных лишь соперника!

Закончив жарить первую большую партию разнообразной еды, Далиан решительно вытащил Орвицку из кухни:

- Хватит жарить, пойдем лучше поиграем в карты. Это всего лишь бессонная ночь, не стоит их так баловать.

- Э-э... ну, хорошо, - Орвицку буквально тащили за руку, а драться с Далианом на кухне из-за такого пустяка ему совершенно не хотелось. Его вытащили в гостиную.

Покер Анроны, по сути своей, оказался довольно примитивной игрой на простое сравнение карт. Они играли не на деньги, поэтому совершенно не хватало азарта и напряжения. Ставками служила еда, которую Орвицка только что с таким усердием нажарил. Сам Орвицка не чувствовал ни малейшего азарта, каждая партия сводилась к рутинному переворачиванию карт. Не сыграв и двух полноценных партий, он уже начал отчаянно клевать носом.

- А давайте я научу вас одной новой игре, - предложил он, оживившись. - Называется "Борьба с помещиком".

В истории этого мира, насколько он знал, не было по-настоящему крупных и масштабных крестьянских восстаний. Даже в Нортонской империи, которая по общему мнению считалась страной с не самым благоприятным климатом, климат на самом деле был довольно стабильным. Урожаи бывали хорошими или плохими, но такого понятия, как полный неурожай, здесь, похоже, не существовало.

Однако мелкие локальные крестьянские бунты, во время которых разъяренные крестьяне убивали всю семью помещика, были не такой уж редкостью, даже за последние пару лет произошло несколько подобных случаев. Но основной причиной этих бунтов была вовсе не чрезмерная жестокость помещиков по отношению к своим крестьянам, а, как ни странно, религия - обычно все начиналось с того, что по округе расползались слухи, будто помещичья семья тайно связана с дьяволом, вампирами, оборотнями или какой-нибудь другой нечистью.

Поэтому, когда Орвицка объявил, что в его игре участники будут делиться на две стороны - крестьян и помещика, - на лицах оборотней появилось весьма странное выражение - смесь удивления и интриги.

- У нас три колоды карт, как раз хватит на три группы, - сказал Орвицка.

Сказано было "как раз", потому что один человек должен был остаться у печки и следить за устричным отваром.

Они начали тянуть карты, чтобы разделить на группы. В итоге ни Анка, ни Далиан не попали в одну группу с Орвицкой. Анка с досадой и разочарованием скрипнул зубами. Далиан не выказал своих эмоций так явно, но его пронзительные янтарные глаза метнулись в сторону двух счастливиц, оказавшихся в одной группе с Орвицкой. Те оба инстинктивно вздрогнули под его взглядом, но все же упрямо оскалили белые клыки в гордой улыбке.

Проигравшим в качестве наказания клеили на лоб смешные бумажки. Орвицка немного беспокоился, что его партнеры по группе будут ему поддаваться, но его опасения оказались напрасными. В первой же партии Орвицка вызвался быть "помещиком". Эти двое парней, хоть и были новичками, быстро освоили простые правила "Борьбы с помещиком". Они играли на удивление слаженно, умело блокировали его мелкие карты, выманивали крупные. Орвицка взял "помещика" в основном для того, чтобы показать правила игры, у него на руках были крупные карты, но они были совершенно разрозненными, и их было очень трудно разыграть. В итоге он потерпел сокрушительное и позорное поражение.

- Значит, нам теперь клеить бумажки? - с плохо скрываемым торжеством спросил один из победителей.

- Клейте... - глядя, как эти двое азартно потирают руки, словно мухи перед едой, Орвицка наконец понял причину их такого необычного поведения.

Он обреченно закрыл глаза и почувствовал, как две смоченные водой бумажки прилипли к его лицу.

Он открыл глаза - два стула напротив него были пусты. Тех двух оборотней уже бесцеремонно стащили на пол их же сородичи.

Оборотни действительно были прекрасно обучены и обладали внушительной боевой мощью. Он не услышал ни малейшего звука борьбы, а они уже полностью нейтрализовали двух своих зарвавшихся соплеменников. Причем... насколько он мог судить, Далиан и Анка даже не пошевелились.

- Хм? - эти двое уже сидели напротив него.

- Мы договорились: кто выиграет в своей группе, тот и будет играть с тобой, - пояснил один из них. Они оба были "помещиками" в двух других группах в прошлой партии.

- Хорошо, - Орвицка тоже улыбнулся. Хотя теперь он оказался в несколько унижительной роли трофея, игра действительно стала намного интереснее и азартнее.

Анка и Далиан не занимали места за столом постоянно, они честно уступали их победителям следующей партии. Когда победителей оказывалось трое или четверо, им приходилось угадывать масть карты, чтобы отсеять лишних неудачников.

Оборотень, которому в этот раз выпало стоять у печки и помешивать устричный отвар, с нескрываемой завистью смотрел на веселую игру. Впрочем, теперь оборотни договорились меняться после каждой сыгранной партии - проигравшие тоже должны были угадывать масть, чтобы выбрать из своего числа того, кто отправится к котлу с отваром.

- Господин, устричный отвар как-то странно изменился! - вдруг крикнул Анка, которому снова выпала незавидная участь стоять у печки. Он заметил, что отвар из мутно-серого стал прозрачным и приобрел красивый светло-коричневый оттенок.

Орвицка тут же вскочил на ноги, одним движением смахнул с лица прилипшие бумажки и быстро подошел к угольной печке. На самом деле изменился не только цвет, но и запах - резкий рыбный запах сменился тонким и приятным ароматом морепродуктов. Но и он сам, и оборотни настолько привыкли к первоначальному запаху, что даже не заметили этой перемены.

Он сбегал на кухню за солью и чистой ложкой. Кончиком ложки осторожно зачерпнул капельку горячего отвара - да, это был насыщенный вкус устриц, очень яркий и свежий. Он начал понемногу добавлять соль, постоянно пробуя. По мере добавления соли отвар все больше и больше по вкусу напоминал настоящий устричный соус.

- Все, готово, можно выключать огонь, - наконец удовлетворенно произнес он. Он уже заранее приготовил несколько чистых, сухих стеклянных банок. Всего получилось чуть больше двух фунтов (около 0,9 кг) густого ароматного устричного соуса.

"Когда я наконец сделаю солодовый сахар, нужно будет добавить его немного в этот устричный соус и еще немного поварить. Тогда вкус станет еще ближе к идеальному. Правда, в итоге его останется еще меньше".

- Крахмал, наверное, тоже уже почти готов, - предположил он.

Аккуратно слив верхний слой жидкости из двух тазов, на дне они увидели плотный слой белоснежного осадка - это и был чистый крахмал.

Орвицка взял большой чистый противень и ровным слоем выложил на него влажный крахмал сушиться. Сейчас в двух тазах было около двух фунтов (около 0,9 кг) крахмала, после полной сушки останется примерно полтора фунта (около 0,7 кг) - это было даже немного больше, чем ожидал Орвицка.

Видя неподдельное любопытство в глазах оборотней, Орвицка решил приготовить для них еще одно небольшое лакомство. Он осторожно отделил кусок крахмала весом меньше полфунта (около 0,2 кг). Дома оставалось еще довольно много молока - оборотни все как один подписались на ежедневную доставку свежего молока. Так что он решил приготовить для них жареное молоко.

Обычно соотношение сухого крахмала и молока для этого десерта должно быть примерно 1:8. Но у Орвицки крахмал был еще влажным, поэтому он взял всего около трех фунтов (около 1,4 кг) молока - в конце концов, если что, всегда можно было добавить еще немного.

Сначала он добавил примерно полфунта (около 0,2 кг) молока в крахмал и тщательно размешал до получения однородной массы без комочков. Затем вылил эту крахмальную смесь в кастрюлю с остальным молоком и поставил на средний огонь, постоянно и энергично помешивая, пока масса не загустела до консистенции густого клейстера - в процессе пришлось добавить еще немного молока. Снял кастрюлю с огня, быстро вылил горячую массу в другой, чуть меньший по размеру противень, разровнял и оставил застывать.

- Потребуется еще минут сорок, не меньше. А пока... пойдете доиграем в карты! - объявил Орвицка. Когда на кухне не горел огонь, температура воздуха там была довольно низкой, почти как в холодильной камере обычного холодильника, так что молочная масса должна была быстро остыть и застыть.

Ровно через сорок минут молочное желе успешно застыло, превратившись в плотную, упругую

массу, правда, оно все еще было немного липким на ощупь. Орвицка прямо на противне аккуратно нарезал его на ровные кубики. Взглянув на выжидающие взгляды оборотней...

- Можете взять по одному кусочку попробовать, - разрешил он. Если бы эту массу заморозить в настоящем холодильнике, а потом обвалить в кокосовой стружке, получился бы замечательный молочный десерт без сахара.

Не успел он договорить, как девять сильных рук мгновенно потянулись к противню, и каждый оборотень ловко подцепил по одному белоснежному кубику.

- Немного липковато, - заметил один.

- Но очень вкусно, - добавил другой.

- По консистенции похоже на пудинг, - заключил третий.

Орвицка уже приготовил все необходимое для панировки: взбитые яйца, панировочные сухари, немного крахмала (это были остатки пшеничного крахмала, который он делал сам, еще до переезда сюда) - стандартный набор "три шага". И снова, уже в который раз за эту ночь, принялся жарить!

- Ваааааа! - снова раздался с улицы пронзительный детский плач. Впрочем, это было неудивительно, ведь уже почти рассвело, и люди понемногу начинали просыпаться.

Жарка придала нежному молочному желе восхитительную хрустящую золотистую корочку и еще больше усилила его тонкий молочный аромат. Правда, из-за полного отсутствия сахара десерт получился немного пресным и жирноватым. Но судя по восторженным выражениям лиц оборотней... они, наверное, и горячее масло со сковороды с таким же удовольствием выпили бы? Ведь этим могучим существам требовалось огромное количество калорий для поддержания их невероятной силы и выносливости.

- Ешьте это с лепешками. Вот и будет наш сегодняшний завтрак, - предложил Орвицка.

Лепешки с жареным молоком... это было, конечно, весьма необычное и странное сочетание, но, к удивлению Орвицки, оказалось довольно вкусным. Ему это даже чем-то напомнило вкус нежных булочек с заварным кремом.

- А если добавить немного сахара, как вы думаете, за сколько можно было бы продавать такое жареное молоко? Поштучно, скажем, по пять штук в одной порции? - поинтересовался Орвицка, уже прикидывая потенциальную прибыль.

- Если с сахаром, я бы с радостью заплатил 10 айко, - тут же откликнулся один.

- И 15 айко было бы не жалко! - поддержал другой.

- Уличные торговцы могли бы смело просить и 20 айко, и люди бы покупали, - авторитетно заявил третий.

- А если подавать такое в приличном ресторане, то тарелка могла бы стоить и все 50 айко, - добавил четвертый, самый искушенный в ценах.

Предлагаемые цены росли на глазах, и что интересно, те оборотни, кто изначально назвал более низкую цену, совершенно не возражали своим более щедрым товарищам.

- Но разве по текстуре это не просто похоже на обычный пудинг? - усомнился Орвицка.

- Нет, совсем другое, - возразил кто-то.

- Мне это нравится гораздо больше, - признался другой.

- Оно же хрустящее! - воскликнул третий.

- Да, мне тоже больше нравится это сочетание - хрустящая корочка снаружи и нежная, тающая во рту серединка, - согласился четвертый.

Орвицка задумчиво произнес:

- ...Подозреваю, вам просто нравится все жареное, не так ли?

Оборотни лишь загадочно улыбнулись в ответ. Орвицка решил, что он, в общем-то, не ошибся.

Покормил вечно голодных воронят, полил нежные зеленые ростки пшеницы, быстро переоделся - начался новый, полный забот рабочий день.

Отметившись в полицейском участке, Орвицка первым делом направился к темному переулку, чтобы отнести еду госпоже Ожог и господину Белое Лицо - позавчера вечером он был слишком занят делом несчастной сестры Мартина и не успел принести им ужин. Вчера он принес еду утром и договорился, что в ближайшие дни будет приносить ее именно по утрам. Против более разнообразного и сытного рациона они, разумеется, не возражали.

Сегодня место патрулирования Орвицки снова сменилось - ему предстояло дежурить на улице Кузнецов. Наверное, когда-то очень давно здесь действительно располагались кузницы, но сейчас это был обычный жилой район, населенный преимущественно представителями низших и средних слоев общества. Здесь можно было найти лишь несколько грязноватых кофеен, мрачных таверн, скромных булочных и овощных лавок, но никаких следов кузнечного ремесла уже не осталось.

Улица Кузнецов тоже пострадала во время недавних беспорядков, но, к счастью, это был не основной очаг волнений. К сегодняшнему дню, за исключением темных следов пожара на стенах некоторых домов, все уже вернулось в привычное русло.

Ни общественный паровой трамвай, ни конный омнибус сюда не ходили. Их отряд из пяти человек приехал на собственной небольшой повозке. На въезде на улицу Кузнецов стояла старая, обшарпанная красная полицейская будка. Один из патрульных остался там присматривать за повозкой и лошадью, остальные четверо отправились в пеший патруль. Орвицка решительно отказался от предложения остаться в будке - ему хотелось как можно больше увидеть и узнать об этом странном мире.

Во время патрулирования улицы Длинной Канавы утром, когда полиция только выходила на дежурство, людей на улицах было совсем мало. Но здесь, на улице Кузнецов, несмотря на ранний час, было все еще довольно многолюдно. Некоторые люди куда-то торопливо спешили, другие, наоборот, еле волочили ноги, третьи просто стояли на обочине с совершенно растерянным и потерянным видом.

Из открытой двери кофейни доносился соблазнительный аромат свежесваренного кофе и теплого, только что испеченного хлеба. Около двух десятков оборванных детей стояли у витрины и с нескрываемой жадностью заглядывали внутрь, хотя в самой кофейне в этот час сидело всего два-три посетителя.

На первый взгляд, здесь кипела жизнь, но стоило королевским полицейским в ярко-красной форме появиться на улице, как все мгновенно изменилось. Мужчины, инстинктивно придерживая свои шляпы, торопливо отходили к стенам домов, женщины хватали за руки детей и затаскивали их внутрь, беспризорные ребяташки мгновенно исчезали в темных подворотнях и переулках. Даже теплый, уютный аромат кофе, казалось, застыл и стал менее ощутимым.

Подобную картину Орвицка наблюдал уже много раз и давно к ней привык.

Вдруг Орвицка заметил лежащего на обочине человека. Он был одет в простую синюю куртку и такие же штаны - типичную одежду местных бедняков, на голове - старая, потрепанная охотничья шапка. Он свернулся калачиком у подножия лестницы одного из домов. Мужчина выглядел довольно крепким и мускулистым, даже со спины было видно, как его мышцы буквально натягивают ткань одежды, не оставляя на ней ни единой складки.

Но самое главное - на его плече виднелось темное пятно. Похоже на кровь?

Орвицка направился к нему. Братья Кадо явно не горели желанием вмешиваться в чужие дела, но Гулик Бучи решительно остановил их, схватив за руки. Бучи красноречиво покачал головой братьям Кадо:

- Слушайте его, - прошептал он. - "Неужели вы до сих пор не поняли, что у Мондэйла весьма непростое происхождение? Конечно, пусть делает все, что считает нужным".

Подойдя ближе, Орвицка вздохнул с облегчением. Издалека это темно-коричневое пятно действительно напоминало засохшую кровь, но вблизи стало ясно, что это, скорее всего, просто пятно от пролитого кофе или чего-то подобного. Орвицка не почувствовал и характерного, въедливого запаха перегара, который обычно исходит от пьяниц. "Может, он болен?" Орвицка осторожно опустил на одно колено, собираясь потрогать лоб незнакомца. Но едва его рука приблизилась к лицу мужчины, как тот резко распахнул глаза.

Это были яростные, дикие карие глаза. Он смотрел прямо на Орвицку, не мигая, словно дикий зверь, готовый к немедленному нападению.

Орвицка инстинктивно отдернул руку. У него дома теперь жила целая стая подобных "диких зверей", так что такой взгляд его ничуть не испугал.

- С вами все в порядке? - спокойно спросил он.

- Все в порядке, - буркнул мужчина грубо и невнятно, слегка опуская взгляд.

- Если у вас нет еды, можете сходить в церковь Света на улице Подковы, там каждый день раздают еду для нуждающихся, - посоветовал Орвицка.

- ...Спасибо, - еще тише пробормотал мужчина, сильнее опуская голову.

Орвицка поднялся на ноги и вернулся к братьям Кадо.

- Таких бедолаг здесь полно, не стоит на каждого обращать внимание, - все же не удержался от комментария старший из братьев Кадо.

- Он выглядит крепким, одежда хоть и в пятнах, но видно, что он старается поддерживать себя в приличном виде, - возразил Орвицка. - Значит, еще не совсем опустился. А раз он силен физически, то, дав ему небольшой шанс, мы, возможно, избавим себя от лишних проблем в будущем.

Следующие четыре дня в жизни Орвицки прошли на удивление спокойно и размеренно.

Через два дня, когда крахмал окончательно высох, он успешно приготовил из него нежнейшие кристальные креветочные димсамы и такие же прозрачные кристальные булочки с мясной начинкой. Правда, из-за небольшого количества крахмала каждому члену их импровизированной семьи досталось только по одной штучке.

Прозрачная, почти невесомая оболочка с первого же взгляда заворожила маленькую Дэнни, ее глаза буквально засияли от восторга. Обратни, хоть и увлекались вязанием, но были совершенно лишены девичьей сентиментальности, тем не менее, тоже выказали огромную симпатию к этим двум новым блюдам. Попробовав их, они наперебой принялись заявлять, что "готовы платить по 5-10 айко за одну такую штучку".

Кроме картофельного крахмала, они также приготовили крахмал из маша и гороха - бобы предварительно замочили на ночь. Маленькую каменную мельницу, которую он заказал, еще не доставили, поэтому их пришлось растолочь вручную каменным пестом, затем промыть в фильтровальных мешках и оставить отстаиваться на четыре-пять часов для получения чистого крахмала.

Белое желе, популярный местный десерт, в основном готовится из смеси этих двух видов крахмала. Сахара у Орвицки пока по-прежнему не было, но он нашел выход: смешал крахмал из маша с крепким лимонным чаем, дождался, пока смесь застынет, а затем добавил получившееся желе в молочный чай. Так был приготовлен первый в этом мире молочный чай с необычными добавками.оборотням этот напиток очень понравился.

Посоветовавшись с оборотнями, Орвицка решился на крупную трату и за большие деньги заказал специальную повозку - одна из ее боковых сторон откидывалась, превращаясь в удобный прилавок. Это была настоящая передвижная закусочная на колесах.

Но относительное спокойствие в районе Рыбьего Хвоста вовсе не означало, что во всем Содмане царил мир и порядок.

В городе объявился ужасный и жестокий маньяк-насильник и убийца. Судя по газетным статьям, первое его известное преступление можно было отнести к прошлой зиме. Некая домашняя учительница бесследно пропала по дороге домой. Через три дня городской дворник случайно нашел ее полностью обнаженное тело в сугробе. Единственным предметом на ней была тонкая синяя шелковая лента, повязанная на шее.

Последнее же его чудовищное преступление произошло совсем недавно...

- Что, снова нашли жертву? - спросил Далиан, входя в свой кабинет.

- Ага, - Орвицка сегодня дежурил в участке. Он сидел не в общей комнате отдыха для констеблей, а в просторном кабинете начальника Далиана и внимательно читал свежую газету.
- Скрипачка из театра Белл. Это уже тридцать четвертая известная жертва.

Домашняя учительница, скрипачка, а еще машинистка, банковская служащая и многие другие... Вот почему в районе Рыбьего Хвоста до сих пор было относительно безопасно - этот маньяк выбирал своими жертвами исключительно уважаемых молодых женщин среднего класса, имевших приличную работу и положение в обществе.

Весьма "удивительно", но этого серийного убийцу обнаружила вовсе не полиция, а дотошный репортер из газеты "Содман Дейли". Он самостоятельно отследил шесть случаев жестоких изнасилований, и обстоятельства смерти всех жертв оказались поразительно схожими. Собрав дополнительную информацию и проведя собственное расследование, три дня назад он опубликовал сенсационную статью под громким заголовком "Ужасный Убийца с лентой".

И вот, всего через три дня после публикации этой статьи, появилась новая жертва.

Вчера участок Рыбьего Хвоста получил официальную ориентировку из Главного Управления Королевской Полиции Содмана - это была так называемая "белая ориентировка", то есть без какого-либо описания внешности разыскиваемого преступника. Согласно приказу, все подразделения королевской полиции должны были немедленно бросить все имеющиеся силы на поимку этого опасного убийцы.

Далиан молча протянул Орвицке стакан ароматного молочного чая с добавлением кусочков освежающего лимонного желе. Вчера он специально обсуждал с Биллом сложившуюся ситуацию: хотя женщины, проживающие в районе Рыбьего Хвоста, формально и не входили в категорию потенциальных жертв Убийцы с лентой, меры предосторожности все же решили усилить. Полицейские участки увеличат количество ночных патрулей, а банда Крюка также выставит своих людей для дежурства на улицах в темное время суток.

- Похоже, с этим репортером пока все в порядке, - заметил Орвицка, указывая на подпись под сегодняшней статьей об Убийце с лентой на первой полосе. Автором по-прежнему значился тот самый репортер по имени Барто Каффет.

- Дело уже получило слишком широкую огласку, - ответил Далиан, помешивая ложечкой свой чай. Толстой трубочки для таких напитков здесь не было, но можно было вполне обойтись и ложкой. - Убийство репортера сейчас только еще больше усложнит ситуацию и привлечет ненужное внимание.

Орвицка тяжело вздохнул. Тридцать четыре известные человеческие жизни оборваны. И, судя по всему, это был еще не конец. Это был серийный убийца с уникальным и жутким "почерком", обнаруженный дотошным репортером. А сколько еще было тех жертв, чьи смерти не связали с ним? Или тех, кого не убили, но искалечили физически и морально?

На его родной Голубой планете он когда-то читал криминальные хроники: у некоторых серийных убийц новейшего времени число жертв переваливало за сотню. А в нынешнюю эпоху,

с ее несовершенной системой правосудия и отсутствием современных методов расследования, у таких маньяков жертв, скорее всего, было еще больше.

День клонился к вечеру. Орвицка задумчиво размышлял, не начать ли сегодня вечером варить долгожданный солодовый сахар? Ростки солода уже вытянулись больше чем на дюйм. Или, может, подождать еще один день?

Дневная смена в полицейском участке подходила к концу, дежурные полицейские потихоньку собирались по домам. Одновременно в просторный холл участка начали заходить полицейские из ночной смены, чтобы отметить о прибытии. Утро и вечер - это было самое оживленное и суетное время в любом полицейском участке.

Вдруг со стороны банка послышался нарастающий стук колес и частый цокот копыт. Полицейские, ожидавшие возможности перейти через дорогу, инстинктивно остановились и обернулись на звук. Черная, широкая четырехколесная карета на огромной скорости неслась прямо к зданию участка.

Все, кто видел эту стремительно приближающуюся карету, немного удивились. Все привыкли к обычным повозкам, курсирующим по улице Подковы, незнакомые кареты появлялись здесь довольно редко, и уж тем более никто не видел, чтобы они неслись с такой бешеной скоростью.

По мере приближения Орвицка с удивлением заметил, что дверца кареты распахнута настежь?

Внезапно Далиан, Ивир и остальные оборотни одновременно, как по команде, молниеносно бросились к несущейся карете - Анка был в ночной смене и еще не успел прийти.

Кучер, сидевший на облучке, мгновенно выхватил из-за пазухи пистолет и открыл прицельный огонь прямо по ним. Оборотням пришлось в последнюю секунду разлететься в разные стороны, уклоняясь от свистящих пуль! Из распахнутой дверцы кареты в этот самый момент на мостовую выбросили какой-то бесформенный человекоподобный сверток, небрежно завернутый в грязную простыню.

Кучер продолжал непрерывно стрелять, не давая полицейским приблизиться. Все произошло настолько быстро и неожиданно, что большинство полицейских все еще стояли как вкопанные, разинув рты, и беспомощно смотрели, как мчащаяся на полной скорости карета вот-вот пронесется мимо них!

Когда основная масса полицейских наконец очнулась и сдвинулась с места, они увидели нечто еще более шокирующее: на задней оси кареты, цепляясь за что-то руками, висел человек...

- Мондэйл?! - в ужасе выдохнул кто-то.

- Орвицка! - закричал другой.

Орвицка среагировал на долю секунды медленнее оборотней. Хотя те не успели ему ничего сказать, по их молниеносным и решительным действиям было ясно - нужно следовать за ними без раздумий. Оборотни как раз удачно отвлекли на себя все внимание кучера, и Орвицка смог незаметно, сзади, запрыгнуть на карету. Он крепко уцепился за край крыши, но решил не рисковать и не лезть вверх, чтобы вступить в рукопашную с вооруженным кучером - тот мог запросто подстрелить его.

Вместо этого Орвицка собрал все свои силы и со всей мочи обрушил удар ногой на заднее колесо кареты!

Раздался оглушительный треск! "Бум! Грохот!" Стремительно вращавшееся колесо буквально разлетелось на куски от мощного удара, второе тут же сорвалось с оси. Задняя часть кареты с визгом рухнула на мостовую, высекая снопы искр. Орвицка инстинктивно поджал ноги. Острые деревянные щепки больно ударили его по лицу. Орвицка разжал руки, прикрыл голову и лицо руками и тяжело рухнул на землю.

Сделав несколько быстрых кувырков по инерции, он наконец остановился. Передние колеса кареты к этому времени тоже развалились от удара. Кучера выбросило из повозки, как тряпичную куклу. Сломанное дышло с силой ударило по лошадям. Одна лошадь тут же рухнула замертво, вторая, увлеченная ею, тоже тяжело упала на бок. Оставшийся кузов кареты по инерции врезался прямо в тела несчастных животных. Раздалось два жутких, предсмертных ржания, кузов провернулся вокруг своей оси на триста шестьдесят градусов и наконец замер, превратившись в груды обломков.

<http://bllate.org/book/17916/1715806>